

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ ¹⁾).

52.

Юли 2-го 1812 г.

реди настоящихъ обстоятельствъ утѣшайте хоть вы насъ благоразумными распоряженіями почтеннаго графа. Съ другихъ сторонъ ничего подобнаго не слышимъ. Турецкій миръ ратификованъ. Ожидаемъ токмо повѣстокъ о молебствіи. На этой недѣлѣ оно должно быть непремѣнно. Графъ Кутузовъ ровно недѣля какъ здѣсь. Къ ему многіе ѣздятъ, чтобы вопрошать его какъ нѣкое прорицалище.

Витебская и Могилевская губерніи объявлены въ военномъ состояніи, равно какъ и Курляндская, и Лифляндская.

Сухимъ путемъ не получаемъ никакихъ иностранныхъ извѣстій, да о нихъ и не помышляемъ, лишь бы наши реляціи возвѣстили намъ рядъ побѣдъ надъ супостатомъ. Лористонъ еще не получилъ паспортовъ, прочіе министры также еще не отъѣзжали. Болѣе писать нечего, ибо самъ ничего не знаю. Прилагаю у сего послѣднія извѣстія изъ арміи, да и списываю слѣдующія слова изъ письма главнокомандующаго первою Западною арміею къ Осипу Петровичу Козодавлеву отъ 25 іюня:

„Наконецъ, смѣло могу увѣрить васъ, милостивый государь мой, для увѣренія всей публики, что западныя войска наши въ самомъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюнь 1912 г.

наилучшемъ положеніи. Всѣ сыты, всѣ бодры, и всѣ горятъ нетерпѣніемъ ударить на непримиримаго врага нашего. Вообще до сего времени все благопріятствуетъ намѣреніямъ нашимъ, и мы, надѣясь на Бога и храбрость воиновъ, не имѣемъ ни малѣйшей причины сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ оружія нашего“.

При семъ письмѣ присланъ также приказъ, данный 1-ой Западной арміи іюня 24 слѣдующаго содержанія:

„Съ неожиданымъ и даже наглымъ впаденіемъ непріятели въ границы наши, надѣялся онъ расположенныя болѣе нежели на 800 верстъ силы наши, какъ недостаточныя къ оборонѣ столь значительнаго пространства, разрѣзать колоннами своими на мелкія части и, истребивъ каждую порознь, свершить алчное намѣреніе свое однимъ, такъ сказать, приемомъ. Симъ единственно способомъ сколько ни противенъ онъ правиламъ народнымъ, удалось ему уже побѣдить разныя арміи и покорить державы, обманутыя надеждою на всеобщее уваженіе къ симъ священнѣйшимъ правамъ.

Но какъ ни стремительно было подобное предпріятіе его противъ армій нашихъ, однако здѣсь не имѣло оно желаемаго успѣха. Всѣ отряды войскъ искуснымъ и быстрымъ движеніемъ приняли направленіе свое къ общему соединенію. Уже нѣтъ намъ никакого къ тому препятствія. Вскорѣ соберетесь вы, храбрые воины, вмѣстѣ и общими силами противустанете врагу, дерзнувшему нарушить спокойствіе наше; и ежели бы онъ, утомленный тщетнымъ стремленіемъ на насъ и безчисленными нуждами, въ семъ новомъ напряженіи силъ его, рѣшился избѣгать битвы съ нами, мы сами тогда устремимся на пораженіе его, мы сами съ помощью правосуднаго Бога отомстимъ ему за себя и за всѣхъ, отъ насилій его протерпѣвшихъ. Шагъ къ тому уже сдѣланъ. Вчера аррьергардъ 1-ой Западной арміи, отражая стремленіе авангарда непріятельскаго, въ три раза сильнѣйшаго, заставилъ его скрыться и искать спасенія въ лѣсахъ, съ значительною въ людяхъ потерею. Храбрость подвизавшихся тамъ вскорѣ вознаградится признательностью Монарха. Да будетъ она примѣромъ къ общему подражанію, и мы, конечно, восторжествуемъ“.

А к р о с т и х ъ.

На зло природы всей родившійся драконъ
 Аячіи въ стѣнахъ ехидной былъ вскормленъ,
 Пожравъ уже тьмы жертвъ, но тѣмъ еще не сытый,
 Оскаля челюсти, зубовъ рядъ ядовитый,
 Летитъ Россійскія страны опустошать,
 Европу всю готовъ во гробъ преобразить.

Отмщенье дерзкому неистовству такому!
 Народы! шествуйте во слѣдъ Петрову дому!
 Богъ въ громы облекся,—предъ нимъ падеть злодѣй!
 Орды голодныя! Прочь съ сѣверныхъ полей!
 Надменному врагу близка уже кончина.
 Алчбы его теперь открыта всѣмъ личина,
 Пора, народы, расторгнуть блѣдный страхъ,
 Аттилу истребить и миръ обрѣсть въ домахъ!
 Рокъ мечъ уже извлекъ, и въ битвахъ восклицаетъ:
 Того защититъ Богъ, кто вѣру защищаетъ.

53.

Юля 5-го. 1812 г.

При семь прилагаю вышедшую сегодня реляцію. Она должна насъ приготовить къ важнымъ извѣстіямъ, которыя весьма скоро насъ обрадуютъ. Французы со своими ненадежными союзниками кидаются въ разныя стороны, чтобы открыть гдѣ-нибудь удачное для себя дѣло. Видятъ, что вездѣ ожидаетъ ихъ штыкъ или пика, они и съ артиллеріею не отваживаются на рѣшительную битву. Какъ же рѣшатся атаковать насъ въ ретраншементахъ? Нѣтъ! ихъ храброванье кончилось. Все готово. Мы на нихъ наступаемъ. Гонимъ, бьемъ ихъ. Ежели они вздумаютъ остановиться, такъ тѣмъ скорѣе совершится истребленіе ихъ силъ.

Рядовые 1-ой арміи не могутъ дожидаться той минуты, чтобы посчитаться съ французами. Ихъ должно уговаривать. Они кипятъ отмщеніемъ. О россы! побѣда вамъ принадлежитъ; но безъ повиновенія и она не можетъ имѣть плодовъ. Положитесь на предусмотрительность вашихъ начальниковъ! Они знаютъ, для чего медлятъ доставить вамъ случай увѣнчать себя лаврами. Ожидающіе васъ—не увядаемы. Представьте себѣ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что такихъ воиновъ, рвущихся къ сраженію, въ 1-ой арміи 197 тысячъ съ сотнями; во 2-ой слишкомъ 200 тысячъ; подъ начальствомъ Платова отдѣльный корпусъ—болѣе 50 тысячъ наѣздниковъ. Обсервационная армія составляетъ за 150 тысячъ, да еще къ западнымъ границамъ спѣшатъ тѣ войска, которыя были противъ турокъ. *Quelle défaite attend nos ennemis!*

Наконецъ сажаютъ Лористона съ прочими министрами 7-го іюля на два нашихъ фрегата въ Кронштадтъ и везутъ въ Гамбургъ.

Лордъ Бентингъ изъ Ревеля проѣхалъ прямо къ Государю. На дорогѣ рассказывалъ онъ нашимъ губернаторамъ, что шведскій на-

слѣдній принцъ (Бернадоттъ) сочтетъ себя счастливымъ, ежели ляжетъ въ гробъ по освобожденіи Франціи отъ ея тиранна. Онъ лучше другихъ можетъ знать сіе чудовище, которое къ несчастію человѣчества изобилуетъ великими талантами.

Англичане готовятъ уже здѣсь праздники. Вчерась прикатила къ намъ иностранная почта и привезла множество писемъ и газетъ. Вы вѣрно у графа будете читать прокламацію, которая задержана.

Простите. Почта отходитъ. Ожидаемъ съ часу на часъ новой иностранной почты.

54.

Іюля 9. 1812.

Сегодня изъ Кронштадта должны отправиться въ Гамбургъ французскіе посолъ и консулъ, посланники вестфальскій, виртембергскій, баварскій и повѣренный въ дѣлахъ неаполитанскій.

Вотъ послѣднія извѣстія изъ арміи. Ждутъ ежечасно курьера съ побѣдою, о которой идутъ въ городъ слухи. Сказываютъ, Багратіонъ разбилъ вестфальскаго короля. Число плѣнныхъ опредѣляютъ до 15 тысячъ. Присовокупляютъ, что французы вышли уже изъ Вильны.

Дай Богъ, чтобъ всѣ эти слухи подтвердились! Adieu.

55.

Іюля 12. 1812.

Хожу, сажу, лежу, и къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, могу еще писать. Благодареніе Богу! авось не умру прежде, пока не истребимъ вражескихъ силъ, пока не очистимъ предѣловъ нашихъ отъ отчаянныхъ супостатовъ! Манифестъ волнуетъ во мнѣ остальную кровь, напрягаетъ ослабленныя жилы и нервы; чувства возрождаются въ онемѣвшемъ тѣлѣ.

Отечество не узритъ меня позади всѣхъ. Сколько силъ достанетъ, и я устремлюсь на защиту его. Я имѣю жену, дѣтей, дѣтей рѣдкихъ. Какъ и тутъ не исполню моего долга? Что изъ нихъ выйдетъ, когда достанутся въ неволю лютейшему тиранну?

Но нѣтъ! прочь, ужасная, убійственная мысль сія! Сего никогда быть не можетъ. Мы, возванные Царемъ нашимъ, вкупѣ и раздѣльности, клянемся покрыть каждый шагъ непріятельскій трупами его, и буде такъ угодно Провидѣнію, то и нашими тѣлами. Да будутъ они токмо преградою, пропастью дальнѣйшихъ его покушеній. Да избавятъ они Царство Россійское отъ ига иноплеменниковъ!—Что вамъ здѣсь при немощахъ моихъ слабо выражаю,

то есть гласъ, произнесенный вѣрными сынами Отечества по прочтеніи манифеста. Не тщетно произнесенъ онъ. Наполеонъ найдеть скоро въ слѣдствіяхъ его пагубу свою и подвергнетъ преждевременной смерти тѣхъ несчастныхъ, которыхъ ведетъ на жертву адскаго своего честолюбія. Богъ извѣдываетъ мужество, твердость духа народовъ, населяющихъ Россію: явимъ, что достойны покровя Его! Удивимъ, восхитимъ, упокоимъ вселенную. Будемъ народомъ избраннымъ!

Я надѣюсь, что Москва до появленія настоящаго письма ужъ будетъ озарена лучами солнца, которое на время отъ насъ закатилось. Слуховъ пропасть. Я затыкаю уши и не хочу внимать кромѣ тѣхъ, кои возвѣстятъ намъ побѣду, побѣду рѣшительную, побѣду торжественно объявленную, за которую всѣ потекутъ во храмы съ колѣнопреклоненіемъ приносить пламенное благодареніе Всесильному Богу.

Мы безъ иностранныхъ газетъ. Да, слава Богу, что ихъ и нѣтъ. Мнѣ по неволѣ должно бы было читать ихъ и—надрываться. Довольно и того, что я имѣю несчастіе видѣть и прокламацію злодѣя въ проклятыхъ вѣдомостяхъ, которыя печатаются подъ его вліяніемъ.

Австрійскій посолъ также отсюда уѣхалъ, токмо пожелалъ намъ въ душѣ своей удачи, которая бы и его отечеству развязала руки.

Призовете ли вы, наконецъ, Дмитрія Прокофьевича и подобныхъ ему патриотовъ? Составивъ Совѣтъ изъ мужей умныхъ и опытныхъ, будетъ легче бить, сокрушать и истреблять враговъ. Я не дерзаю мѣшаться ни въ какія государственныя распоряженія, но не могу при настоящихъ обстоятельствахъ удержаться отъ изъявленія такого желанія, которое мучаетъ меня по любви къ общему благу. Я въ правѣ при томъ не скрыть его предъ другомъ, который такъ близокъ къ возвеличенному по достоянію графу Федору Васильевичу.

Эй! не пренебрегите прокинутымъ словомъ малозначущаго челоука!

56.

Іюля 16. 1812 г.

Въ воскресенье мы праздновали турецкое замиреніе. Боже! услышь моленіе наше, и даждь намъ покой отвсюду! Помози истребить вражескія силы, дерзнувшія въ буйствѣ нарушить цѣлость Царства Россійскаго! Не попусти,—и да вознесемъ главы наши надъ супостатомъ!

О! ежели бы вы знали, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что за слухи, что за уныніе въ пятницу распространились въ нашемъ городѣ! Мы считали уже себя пловцами безъ мачтъ, безъ кормила, преданными во волѣ Всевышняго во время бури на произволъ волнамъ. Полученныя въ субботу извѣстія раздѣлили, прогнали, такъ сказать, ту мглу, отъ которой мы преждевременно задыхались. Не злонамѣренные люди затуманили насъ: нѣтъ! Любезный другъ, ежели изверги сіи и существуютъ между нами, то они крайне сдѣлались робки, превратились будто бы въ безсловесныя твари. Они знаютъ, что патріоты, коими Россія исполнена, держатъ теперь наготовѣ камни въ рукахъ, чтобъ при появленіи мгновенно пришибить чудовищъ сихъ.—Увы! сердце стѣсняется, когда помыслишь, что виновники такимъ мрачнымъ впечатлѣніямъ суть люди, долженствующие благоразумными распоряженіями ограждать насъ отъ оныхъ. Дивиться сему ни вы, ни я не можемъ. Пѣшки на мѣстѣ слонь, коней, ладей, а сіи всѣ на мѣстахъ первыхъ. Продли, Провидѣніе, вѣкъ графа Михайла Иларіоновича.—„Какъ!“—отвѣтствовалъ онъ въ пятницу на сдѣланное предложеніе,—„вы требуете моего мнѣнія для защиты Петрополя въ самомъ Петрополѣ? За 500 верстъ должно готовить ее; но вы ошиблись; вы не то хотѣли у меня спросить. Не вѣрите ли вы снамъ? на яву я ни малѣйшей опасности не вижу“.

Сдѣлай, ежели можешь, Булгаковъ, потомокъ, сынъ Якова Ивановича, наслѣдникъ его дарованій, а не стяжанія, которое ты самъ пріобрѣсти способенъ, чтобъ отвѣтъ сей напечатали въ Сѣв. Почтѣ! Буде сему встрѣтишь препятствіе, доведи его по крайней мѣрѣ до свѣдѣнія изавителя нашего графа Ѳедора Васильевича! На твоёмъ мѣстѣ, чего бы я не говорилъ сему великому мужу для пользы Отечества. Онъ самъ всего знать не можетъ. Да вѣдаетъ все и по усмотрѣнію своему поступаетъ!

Я столько волнуемъ съ пятницы негодованіемъ, что оно производитъ во мнѣ чудеса. Уже чувствую себя бодрѣе, крѣпче: собственная мнѣ пылкость возвращается. Хотя тѣломъ еще далекъ отъ послѣдняго русскаго рядового, но духомъ Ахиллесъ. Кажется, и физически достигну полубогатырства, ежели токмо увижу, что Отечество мое пріосѣнится мудростію поставляемыхъ надъ нимъ возлюбленнымъ Александромъ властей. Сіе сказать другу, патріоту, умному человѣку, яко сочленъ общества, къ которому принадлежу, полное право имѣю. Бѣда всѣмъ, ежели бы у мѣста запрещали благонамѣреннымъ людямъ вѣщать правду, правду, отъ коей зависятъ общее благосостояніе. Ее надобно до тѣхъ поръ твердить, пока не совершится общее желаніе. Ахъ! чтобъ только не опоздали

удовлетворить ему! Чтобъ искусный врачъ заблаговременно призванъ былъ къ больному!

Былъ я въ воскресенье у обѣдни и у молебна въ Казанскомъ соборѣ. Тамъ съ нами приносили благодареніе Подателю всѣхъ благъ съ колѣнопреклоненіемъ и обѣ Императрицы. Такъ-то радостныя извѣстія дѣйствуютъ на русскаго! Тутъ прячется и искусство несравненнаго моего Мильгаузена.

Ходить по рукамъ записка, которую сейчасъ пробѣгалъ, о пораженіи Удинота и Макдональда, равно какъ и объ окруженіи всѣхъ непріятельскихъ армій всѣми нашими силами. О, Владыко, сѣдящій на небесахъ! Сподоби насъ внять истребленію враговъ Россіи! Не удаляй отъ насъ такового восхитительнаго возвѣщенія!

Цѣлую васъ, прижимаю васъ къ сердцу среди такового моленія.

57.

Іюля 19. 1812 г.

Надобно побольше пріискать графовъ Оедоровъ Васильевичей, чтобы поручить имъ истребленіе съ корнемъ нечестивыхъ. Повѣрьте, что прежде ни въ чемъ хорошемъ успѣть будетъ не можно. Къ чему бы послужили внѣшнія побѣды, когда внутренніе враги будутъ поборать отечество? Честолюбецъ, испровергшій старый порядокъ вещей во всей почти Европѣ, ни одной изъ поработенныхъ имъ державъ никогда бѣ въ пагубной власти своей не имѣлъ, ежели бы не умѣлъ воспользоваться развратомъ, который революціею истребленъ во Франціи, гдѣ моральная зараза приготовлена слабымъ правительствомъ, терпѣвшимъ вольнодумцевъ для собственнаго народа и для другихъ земель, въ коихъ также дозволили укореняться разнымъ вреднымъ обществамъ, разливавшимъ и разливающимъ еще весьма искусно ядъ, уподобляющійся вкусомъ цѣлебнымъ веществамъ. *Sapienti sat.*

Вотъ уже 11 часовъ утра, а изъ армій нѣтъ никакихъ извѣстій. Въ такомъ случаѣ лучше не дѣлать никакихъ догадокъ. Божусь вамъ, что самъ себѣ далъ слово никакъ не толковать и даже не думать о сей медленности. Ухожу отъ тѣхъ, которые бы могли меня на то наводить. Чувствую токмо и про себя разумѣю, что графъ Голенищевъ-Кутузовъ здѣсь. Опять повторяю мольбу: продли токмо Богъ жизнь его и здравіе! Его выбрало здѣшнее дворянское сословіе начальникомъ вновь набираемыхъ защитниковъ отечества. Натурально ему отъ сего отказаться было не можно. Но ежели не послѣдуетъ по Высочайшей волѣ полезнѣйшаго для него, а слѣдовательно и для Россіи назначенія, то накажетъ праведный и все-

могущій Судія тѣхъ, которые отъемлютъ у насъ избавителя. Вчерась на сего почтеннаго, заслугами покрытаго мужа не могъ я взи- рать безъ слезъ. И я чихиркиною манерою скажу Александру Булгакову: Ахти! За что-жъ заставляютъ его вахлять, коли онъ дѣло можетъ дѣлать!—Исторгли у него мечъ, а даютъ вмѣсто того кор- тикъ. А вѣдь у него мечъ въ рукахъ такъ же дѣйствуетъ, какъ у Ми- хаила Архангела. Съ кортикомъ-то, Богъ вѣдаетъ, къ чему онъ при- ступить. Да еще, Боже оборони, какъ поспѣетъ онъ къ шапочному разбору. Эй! гласъ общій взываетъ: пустите героя впередъ съ ре- гулярными! Все уцѣлѣетъ, и до заднихъ оруженосцевъ дѣло не дойдетъ. Имъ достанется токмо возсылать къ Богу усердныя благо- даренія за побѣды, за истребленіе врага.—Одинокихъ ли со мною мыслей Александръ Яковлевичъ? Третьяго дня и вчерась въ домѣ графа Безбородко собиралось здѣшнее дворянство. Положили дать со ста четырехъ человѣкъ, вооружить и одѣть ихъ при бородахъ да отпустить на три мѣсяца провіанту. Съ оцѣнки домовъ въ Петербургѣ, которые свѣше 5 т. рублей стоятъ, взять по 2 про- цента. Буде кто имѣетъ нѣсколько домовъ маленькихъ, превышаю- щихъ вмѣстѣ пятитысячную сумму, съ того также взыскивать общую повинность. Купечество совѣщается и, какъ слышу, положило дать два милліона, коимъ будетъ сдѣлана раскладка по капиталамъ.— Дворяне дѣлаютъ еще добровольныя денежныя пожертвованія. Слышу между значительнѣйшими, будто бы графиня Литта¹⁾ еже- годно, пока продолжится настоящая война, обязывается вносить по 50 т. р. Оба Нарышкины по 20 т. р., а тамъ пойдутъ 5-ти тысяч- ники и меньшихъ суммъ. Здѣшняя Лавра отдаетъ серебряный свой сервизъ. Митрополитъ Амвросій всѣ жалованныя ему драгоценныя вещи.—Дадутъ, батюшка Александръ Яковлевичъ, Россіяне и пере- дадутъ, коли требуетъ того Царь ихъ на защиту Отечества. Людей, денегъ бездна явится: пусть изберутъ токмо мудрыхъ вождей, пра- вителей. Съ нами ли барахтаться наемникамъ, вертепамъ, разбой- никамъ! Вождей! Вождей!—Правителей! Правителей! Дай намъ на- дежда наша, Александръ Павловичъ!—Ростопчиныхъ! Кутузовыхъ! Паниныхъ! Троицкихъ! Явятся и новички, подросточки Булгаковы, герои Воронцовы.

Um Gottes Willen zerreißen Sie meine Briefe sobald Sie solche durchgelesen haben.

¹⁾ Графиня Екатерина Васильевна Литта, рожд. Энгельгардъ, р. 1761 г. † 7 февр. 1829; въ первомъ бракѣ была за Павломъ Март. Скаррон- скимъ.

58.

Іюля 23. 1812.

Государь прибылъ и къ намъ ночью въ 2 часа 22 числа. Двѣ ночи народъ спалъ въ Казанскомъ соборѣ, ожидая болѣе двухъ сутокъ возлюбленнаго Александра. Полиція возвѣстила намъ Высочайшее прибытіе 20-го числа. Всѣ добровольно приготовились съ минуты возвѣщенія изъявить радость свою освѣщеніемъ жилищъ своихъ. Вчерась весь городъ и былъ иллюминованъ. У Императрицы Маріи Ѳеодоровны, яко въ день ея тезоименитства, былъ обѣдъ въ Таврическомъ дворцѣ. Не знаю, пріѣхали ли изъ Великихъ Лукъ канцлеръ и графъ Кочубей. Ихъ уже вчерась оттуда съ часу на часъ ожидали.

И здѣсь всякій день дѣйствуютъ теперь два комитета, наряженные по случаю земскаго вооруженія. Не извѣстны мнѣ въ точности его распоряженія, но знаю, что лучше московскихъ быть не могутъ. Прекрасная мысль, что знаменіемъ ополченія сего будетъ у васъ крестъ.

Успѣхъ оружія нашего долженъ былъ быть вамъ извѣстенъ. На починѣ и то хорошо. Ожидаемъ важнѣйшихъ происшествій.

59.

Іюля 26. 1812.

У васъ все кипитъ. Какъ живо и умно обдуманно земское вооруженіе! Тотчасъ видно, кто гораздъ бить въ цѣль.

Вчерась праздновали здѣсь важную побѣду графа Витгенштейна надъ Удиномъ. Богъ да утѣшитъ насъ и сокрушеніемъ главныхъ непріятельскихъ силъ подъ Смоленскомъ!

Вчерась около вечера пріѣхалъ изъ Великихъ Лукъ Государственный Канцлеръ. Кажется, и графъ Кочубей долженъ уже быть здѣсь.

Болѣе писать любопытнаго нечего, а пустяками развлекать васъ не хочу среди важныхъ занятій. Богъ да подкрѣпитъ ваше здоровье на пользу Отечества. Обнимаю васъ и желаю побѣды рѣшительной подъ Смоленскомъ.

60.

Іюля 30. 1812 г.

Общее вниманіе обращено на военныя происшествія. Никакая другая мысль не находитъ мѣста ни въ чьей головѣ. Побьютъ вра-

говъ подь Смоленскомъ: всѣ могутъ остаться спокойными. Бонапарту должно будетъ тогда помышлять о собственной безопасности. Ежели же Божескимъ поущеніемъ прорвутся злодѣи послѣ рѣшительной битвы далѣе, то не вижу, любезный Александръ Яковлевичъ, конца и мѣры бѣдствіямъ, которыя покроютъ отечество наше. Графъ Витгенштейнъ продолжаетъ истреблять силу непріятельскую, шедшую чрезъ Псковъ и Опочку на Новгородъ. Удинотовой арміи какъ будто бы не существовало. Со вчерашняго дня всѣ заговорили, что герой нашъ, по совѣтамъ стараго графа фонъ-деръ Палена, напалъ и на Макдональдову армію, наноситъ ей пораженія и гонитъ передъ собою. Витгенштейнъ есть воспитанникъ графа Петра Алексѣевича. Онъ явился, какъ меня увѣряютъ, къ воспитаннику своему на мѣсто военныхъ происшествій волонтеромъ и преподаетъ ему спасительные совѣты для избавленія Россіи. Пусть прочіе наши главнокомандующіе столько же сдѣлаютъ, сколько успѣла до сихъ поръ армія подь начальствомъ графа Витгенштейна. Не дойдетъ тогда дѣло и до земскаго ополченія. Удинова армія состояла изъ однихъ токмо французовъ, которые сражались отчаянно, но тѣмъ больше испытывали поражение, чѣмъ упорнѣе противустояли россійскимъ войнамъ, коихъ вель искусный начальникъ. Съ тѣмъ числомъ регулярнаго ополченія, каковое мы теперь имѣемъ, должны мы чрезъ годъ быть въ Парижъ; надобно только дѣйствовать системою Витгенштейна, системою Суворовскою, системою, которая одна можетъ увѣнчать насъ всегда и вездѣ побѣдою. Ретирады замѣшиваютъ только умъ у полководцевъ, отнимаютъ духъ у солдата, разстраиваютъ внутреннюю связь. Миѣ нечего говорить вамъ о впечатлѣніи, какое до сихъ поръ произвело на умы отступленіе главныхъ нашихъ армій до Смоленска.

Насъ всѣхъ отъ Петербурга до Москвы въ 500 верстахъ отъ непріятеля посадили на порохъ. Приди только французы во Псковъ, то мы отсюда поднялись бы и, можетъ быть, пѣшкомъ съ женами и дѣтьми, кинулись бы, сами не зная куда, искать своего спасенія. Вотъ сколь важна побѣда надъ Удиновымъ корпусомъ. Ни мало, ни много разбойникъ мѣтилъ дѣйствительно вдругъ напираться на обѣ столицы.

Полагать должно, что теперь въ его первоначальномъ планѣ послѣдуетъ перемѣна. Когда мы не рѣшимся его атаковать и прогонять изъ Бѣлоруссіи, то всѣ знающіе увѣряютъ, что ему надобно будетъ самому отступить назадъ, дабы не дожидаться съ тылу Торماسова, у котораго 70 тыс. войска.—Богъ спасетъ Москву отъ разбойническаго нашествія!

Французы дѣлають ужасы въ городахъ, гдѣ они бывають. Прилагаю у сего копію съ письма моего пріятеля, дабы дать вамъ понятіе, что такое за бѣдствіе попасться въ руки къ извергамъ. Удивляюсь, что французовъ берутъ живыхъ въ плѣнъ. Это суцая зараза, которую вводятъ во внутрь Россіи. Я могу сіе говорить по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣю чрезъ спасшихся отъ истязаній варваровъ. Изверги сіи напитаны такимъ духомъ, что ихъ больше еще должно опасаться плѣнныхъ, нежели сражаясь съ ними. Булгаковъ меня пойметъ.

Это все проповѣдники Стройновскаго школы. Шельмы пантомами изъясняются съ мужиками. На что другое догадки у сихъ послѣднихъ не становится, а эти размашки руками они очень хорошо понимаютъ.

Sie schonen die Bauern, bezahlen alles in kliegender Münze; rauben nur die Nädle und misshandeln den Adel.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

